

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

МУРЯСОВ Р. З.

ГРАММАТИКА ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА

Межуровневый характер словообразования, как это было показано в известной работе В. В. Виноградова, обуславливает его сложные взаимоотношения с лексикой и грамматическим строем языка [1]. Углубленное изучение сущностных характеристик словообразования в его связях и взаимоотношениях с другими уровнями языка, в особенности с грамматикой, как отмечает Е. С. Кубрякова, выдвинуло словообразование на передний план лингвистических исследований [2]. Более того, словообразование, оказавшись на пересечении лексикона, морфологии, синтаксиса и семантики, стало одной из центральных проблем лингвистических дискуссий [3, 4].

В данной статье будут показаны виды связи словообразования с грамматикой языка, грамматические аспекты словообразования, т. е. *sui generis* грамматика словообразования. В частности, рассматриваются следующие аспекты грамматики словообразования: 1) словообразование как грамматика лексикона, 2) словообразование, части речи и внешняя морфология производной лексики, 3) изограмматические, т. е. «грамматикоподобные» функции словообразования в составе функционально-семантических полей (ФСП) [5] или грамматико-лексических полей [6], 4) словообразование как структурный минимум выражения синтаксических отношений и 5) словообразование и текст. Каждый из этих аспектов словообразования представляет собой комплекс проблем, заслуживающих крупных монографических исследований. Поэтому в рамках данной статьи речь идет лишь об общей характеристике грамматических аспектов словообразования.

1. Словообразование как грамматика лексикона. Общеизвестным можно считать тот факт, что для грамматических языков в сосюрвовском понимании, т. е. языков, в которых мотивированность максимальна, основным источником обогащения словарного состава языка служит функционирование совокупности словообразовательных моделей, по которым образуются новые слова на базе имеющихся в языке лексических единиц и словообразовательных формантов.

Возможны разные принципы и подходы к структурированию вокабуляра языка. Наиболее рельефны (как в формальном, так и в семантическом отношениях) те классы слов, которые отмечены формальными структурными признаками. Морфологическая репрезентация семантических категорий делает их структурно спаянными категориями в отличие от лексико-семантической системы языка, существенной особенностью которой, как отмечает Д. Н. Шмелев, является семантическая неопределенность [7]. Квалификация словообразования как грамматики лексикона пред-

полняет его классификационную функцию, функцию упорядочения по отношению к лексике языка. В отличие от грамматики в строгом смысле слова функционирование словообразовательных моделей не достигает той степени универсальности охвата лексики, которая характерна для словоизменительной морфологии. Но изучение механизма функционирования словообразовательной системы позволяет вскрыть тенденции, закономерности, напоминающие в той или иной степени функционирование грамматических категорий, что позволяет говорить о «грамматикоподобных» процессах в словообразовании. Уже сама моделируемость производной части лексики интерпретируется некоторыми лингвистами как грамматичность [8].

Признание многими лингвистами грамматикоподобных правил в словообразовании является своего рода антиподом точки зрения тех лингвистов, которые рассматривают словообразовательные отношения как нерегулярные и соответственно относят производные слова (наряду с неппроизводными) к лексикону языка, определяемому, например, Н. Хомским как «the full set of linguistic irregularities» [9]. В известной степени понимание грамматичности — неграмматичности сводится, таким образом, к наличию регулярности — нерегулярности в словообразовании. Однако словообразование обладает своей грамматикой, т. е. своей регулярностью и повторяемостью. Если грамматическая регулярность носит с определенными оговорками универсальный характер, то применительно к словообразованию можно говорить об ограниченной регулярности. Как известно, грамматическая регулярность тоже не всегда абсолютна. Например, категория залога в индоевропейских языках может быть представлена в виде неравнообъемной по охвату лексики оппозиции «актив — пассив». Более того, при «лексикографической параметризации» [10], по мнению сторонников генеративного синтаксиса, глаголы могут быть снабжены наряду с другими лексическими параметрами также маркером «пассив[±]» [11], т. е. всеми теми грамматическими признаками, которые подвержены противодействию факторов лексического порядка. Понятие грамматичности в словообразовании может быть также интерпретировано как мотивационная прозрачность структурных и семантических отношений между НС производного слова, как возможность синтагматического «прочтения» производного слова, т. е. возможность конструирования комплексного значения производного, исходя из значений его НС [12].

Между продуктивностью, регулярностью и степенью грамматичности в смысле мотивационной прозрачности в словообразовании существует самая прямая связь. Это положение легко может быть подтверждено на примере инфинитивных субстантиватов и отглагольных суффиксальных производных существительных. Так, субстантивация инфинитивных форм глаголов в немецком языке практически не имеет ограничений, причем этот процесс, как правило, не привносит в лексическое значение глагола ничего нового, а наделяет его новой синтаксической функцией, хотя и здесь синтаксическая перспектива личной формы глагола и синтаксическая перспектива соответствующего субстантивата могут быть далеко не идентичными. Если для инфинитивных субстантиватов характерна опредмеченность действия, а не предметное значение, и сам по себе инфинитив не «отягощен» аспектуально-темпоральными значениями, то на продуктивность и регулярность других отглагольных моделей, например, производных с суф. *-ung*, налагаются существенные ограничения, обусловленные не только наращениями, являющимися результатом «постсемантических процессов» [13], но и такими изограмматическими наслоениями,

как залоговость, аспектуальность и темпоральность. Еще большим ограничениям подвержены имплицитные производные и существительные, образованные путем использования морфонологических явлений в структуре слова, квалифицируемых в морфологии внутренней флексией. Такие производные обнаруживают явную тенденцию к выражению помимо конкретно-предметных значений также изограмматических значений.

Убывание степени грамматичности и усиление тенденции к идиосинкразии можно продемонстрировать на примере лексикографических интерпретаций слов, в которых, как отмечает Ю. Н. Караулов, могут быть представлены как структурогенные, т. е. собственно языковые параметры, так и параметры, «содержание которых по необходимости включает и экстралингвистический фактор — денотативный, историко-культурный, прагматический...» [10, с. 70]. Экстралингвистические наслоения на смысловую структуру лексических единиц обуславливают их разную лексикографическую интерпретацию. Взаимосвязь между семантической интерпретацией лексических единиц и социально-политическими факторами А. И. Домашнев демонстрирует на основе анализа некоторых словарных единиц с идеологически ориентированным содержанием в изданиях Дудена в Лейпциге (ГДР) и Мангейме (ФРГ) [14]. Производные с идеологически ориентированной семантикой не допускают синтагматического прочтения своей семантической структуры. Их семантика «перегружена» многочисленными уточнителями, отражающими те или иные социально-политические и экономические факторы.

«Грамматичность» суффиксального словообразования представляется очевидной прежде всего потому, что семантические категории репрезентируются словообразовательными структурами, в составе которых словообразовательные формативы, морфемы выступают как бы в качестве фокусирующего центра этих категорий. Словообразовательный форматив в силу своей рекуррентности, многократной повторяемости, как бы отчуждаясь от своих производящих основ, становится, или, по крайней мере, воспринимается как формальный представитель всех производных с ним, а следовательно, той семантической категории языка, которую данные производные конституируют. Отчуждение аффиксов от самих производных, их относительная автономизация позволяет рассматривать их как «понятийные классификаторы», т. к. каждой суффиксальной модели присуще основное поле, доминирующий понятийный класс семантического сопряжения. Особенно ярко это свойство словообразовательных аффиксов проявляется в следующих двух явлениях: во-первых, в способности суффикса образовать существительное с ярко выраженным глагольным содержанием при отсутствии самого глагола, ср.: *Parteiung* «geh. Zersplitterung in einander bekämpfende Parteien», *Diversant* «Neuwort DDR jmd., der die Diversion betreibt» [15], во-вторых, автономизация аффикса достигает своего апогея в приобретении им лексического статуса, ср.: *Der Begriff volkstümlich selber ist nicht allzu volkstümlich. Es ist nicht realistisch, dies zu glauben. Eine ganze Reihe von «Tümllichkeiten» müssen mit Vorsicht betrachtet werden* [16, s. 388]¹, *Ost und West und dieser Ismus und jener Ismus* [17, с. 205].

Подобно тому, как формальным репрезентантом грамматической категории в идеальном случае служит словозменительная парадигма, которая

¹ Интересно отметить, что в немецком языке имеется ряд полиморфемных слов, состоящих из одних аффиксов: *Urtum*, *urtumlich*, *Urtümlichkeit*, *das Urtümliche*, *mißlich*, *Mißlichkeit*, *exen*.

иногда может состоять из парадигм-вариантов, деривационно-семантическая категория репрезентируется в языковой структуре набором словообразовательных моделей. Так, категория падежа в современном немецком языке морфологизована в пяти типах склонений, а в древнегерманских языках она была представлена значительным количеством типов склонений. Подобная аналогия между словообразованием и грамматикой позволяет рассматривать набор словообразовательных моделей, репрезентирующих определенную семантическую категорию, как деривационную парадигму. При грамматическом подходе к словообразованию возможна именно такая трактовка деривационной парадигмы [18], а определение словообразовательной парадигмы как словообразовательного гнезда или его фрагмента базируется на лексикоцентрическом подходе к словообразованию.

Если грамматический строй выполняет роль цементирующей и систематизирующей стороны языка в целом [19], то аналогичную функцию по отношению к лексике языка выполняет словообразование.

II. Словообразование, части речи и их грамматические характеристики. Поскольку лингвистическая «паспортизация» любого слова языка начинается с определения его отнесенности к той или иной части речи, классификационная роль словообразования также начинается с уровня части речи, т. к. каждая часть речи характеризуется определенным, присущим только ей инвентарем словообразовательных средств. Присутствие в составе слова того или иного суффикса в качестве структурного оформителя исхода основы является факультативным, но высоковероятным и, как правило, однозначным определителем характера части речи. Производное слово, будучи как по своему морфологическому строению, так и по характеру выражаемого им значения сложной, комплексной и в силу этого расчлененной структурой, представляет собой по своей сути результат взаимодействия либо таких основополагающих ономаσιологических категорий языка, как предметность, признаковость и процессуальность, либо субклассов, или субкатегорий, вычленяемых в рамках этих категорий.

В зависимости от того, какие семы взаимодействуют в иерархической семантической структуре производящей основы и ожидаемой части речи, представленной в виде словообразовательного форманта, можно говорить о степени «грамматичности» того или иного вида словообразования. Наиболее «грамматичным» представляется, с этой точки зрения, так называемая синтаксическая деривация или транспозиция, трактуемая как деривационный процесс. В результате этого процесса изменяется только синтаксическая функция исходного слова, в то время как его лексическое значение остается неизменным. Если части речи представляют собой грамматические категории [2, 20], синтаксические дериваты образуются только на основе сем на уровне части речи, т. е. перед нами грамматические гиперсемы в чистом виде, без дополнительных смысловых наращений. Разумеется, далеко не все словообразовательные значения формируются только на уровне взаимодействия категориальных гиперсем. В связи с этим Е. С. Кубрякова замечает: «Если бы, действительно, словообразовательные значения могли описываться в таких формах, как „предмет, имеющий отношение к признаку или процессу“ и пр., словообразование следовало бы признать областью выражения грамматических значений» [2, с. 109].

Суффиксы могут служить структурными показателями не только отнесенности слов к определенной части речи, но и предопределяют более узкие грамматические признаки, например, такие категории существительных, как грамматический род, принадлежность к одному из существующих

в современном немецком языке типов склонения и образования мн. числа. Способность суффиксов сообщать производным пучок потенциальной информации не одинакова для собственно немецкой и заимствованной лексики. Если немецкие суффиксы в основном однозначно указывают на грамматические признаки производных, то этого нельзя утверждать об иноязычных суффиксах.

По степени интенсивности грамматической предсказуемости суффиксы можно разделить на несколько групп: 1) суффиксы, однозначно предсказывающие морфологические признаки существительных; их грамматический род, тип склонения и способ образования мн. числа, 2) суффиксы, однозначно предсказывающие один или два грамматических признака, но не все, 3) суффиксы с диффузной грамматической потенцией, т. е. не способные предeterminировать точно ни один из грамматических признаков. Суффиксы, однозначно предсказывая один грамматический признак, так же однозначно предсказывают другой или другие грамматические признаки. Решающая роль при этом принадлежит признаку рода.

III. Словообразовательные модели в качестве конstituентов функционально-семантических или грамматико-лексических полей. Как известно, функционально-семантический подход предполагает функциональную сопряженность разноуровневых, структурно разнородных средств данного языка, объединенных на основе определенного семантического инварианта. При типологии словообразовательных значений некоторые из них получают одноименные или сходные с грамматическими категориями названия, что позволяет постулировать наличие глубинных связей между ними. Подобного рода словообразовательные значения мы называем *и з о г р а м м а т и ч е с к и м и д е р и в а ц и о н н ы м и з н а ч е н и я м и*. Общие замечания о функциональных связях между словообразованием и грамматикой высказывались и раньше. Однако грамматический аспект словообразования стал предметом углубленного изучения благодаря двум обстоятельствам. Во-первых, синтаксический «бум» в лингвистике последних десятилетий коснулся и словообразования и оно стало рассматриваться в рамках трансформационной грамматики. Во-вторых, функционально-семантический подход к языку в плане взаимодействия его уровней стимулировал изучение словообразования с точки зрения его возможностей дублировать значения, находящие в языке свое последовательное и универсальное выражение в парадигматических моделях, образующих грамматическое ядро ФСП. Привлечение к анализу словообразовательных средств в качестве конstituентов ФСП приводит к выявлению их «грамматикоподобных» функций (*grammatikähnliche Funktionen*) [8].

В качестве конstituентов ФСП словообразовательные средства в зависимости от характера выражаемых ими значений и частеречной характеристики репрезентируемой категории находятся в различных соотношениях с грамматическим ядром ФСП.

1. Словообразовательные средства в качестве периферийной зоны ФСП и морфологическое ядро являются категориально гомогенными, т. е. функциональная общность существует в рамках одной части речи. Другими словами, словообразовательные средства какой-либо части речи служат для выражения того или иного грамматического значения этой же части речи. Например, деривационная категория собирательности выступает в качестве конstituента поля множественности, грамматическим ядром которой являются формы мн. числа существительных.

2. Словообразовательные модели могут выступать как периферийное

средство выражения данной части речи, онтологически ей не присущих грамматических значений, унаследованных от другой части речи. Так, грамматическая глагольная оппозиция «актив—пассив» находит своеобразное преломление в отглагольных существительных и прилагательных: *Lehrer — Lehrling, Finder — Findling, Prüfer — Prüfling*. Особое место занимают в этом отношении аффиксальные модели имен прилагательных. Промежуточное положение прилагательного в системе частей речи между существительным и глаголом находит свое отражение также в его способности выражать грамматические значения как существительного, так и глагола. Производные десубстантивные прилагательные могут быть функциональными эквивалентами генитива существительных с посессивным значением (*genetivus possessivus* и *genetivus auctoris*): *Schillers Balladen — Schillersche Balladen, das Haus des Vaters — das väterliche Haus*, ср. русск. *сон дядюшки — дядюшкин сон*. Глагольные категории залога и модальности находят в аффиксальных прилагательных сопряженное выражение: *Keine Straße, die dahin führte, war mehr für die Saigoner befahrbar (konnte mehr von den Saigonern befahren werden)* (NBI. 1985. Nr. 23) ².

На основе изучения соотношения словообразования и грамматических категорий как грамматических признаков частей речи и по характеру участия словообразовательных средств в репрезентации грамматических значений можно выделить следующие ФСП.

Во-первых, ввиду отсутствия словоизменительной парадигмы словообразовательные средства берут на себя функцию языковой репрезентации той или иной грамматической категории и, следовательно, выступают в качестве основного средства ее выражения. Так, категория вида в русском языке квалифицируется как несловоизменительная морфологическая категория, так как «видовая пара — это противопоставление разных глаголов, находящихся между собой в отношениях словообразовательной мотивации» [21, с. 584]. Таким образом, аффиксальные средства, выполняя функцию словоизменительных парадигм, являются единственными системными выразителями данной категории.

Во-вторых, ФСП может обладать грамматическим ядром в виде морфологических средств, характеризующихся, однако, не абсолютной универсальностью, выражающейся в том, что не все члены категориальной оппозиции репрезентированы словоизменительными средствами, т. е. в грамматических оппозициях возникают парадигматические лакуны, которые как раз и заполняются словообразовательными средствами. В таких случаях словообразовательные средства не просто дублируют грамматические, а становятся равноправными с грамматическим способом представления категориального значения средствами, партнерами. Следовательно, они являются, наряду с грамматическими средствами, составной частью ядра, центра ФСП [17, с. 16].

В-третьих, в составе некоторых ФСП ни словоизменительные, ни словообразовательные средства не могут претендовать на роль структурной доминанты, ядра. И те и другие, занимая равноправное положение, принимают участие в непоследовательной, диффузной формальной структуре поля.

В-четвертых, наиболее характерным свойством словообразования с точки зрения его соотношения с морфологическими средствами в структуре

² В статье приняты следующие сокращения: NBI — Neue Berliner Illustrierte; ND — Neues Deutschland; BZ — Berliner Zeitung.

ФСП является его способность выступать в качестве конститuentов периферийной зоны поля, обладающего грамматическим ядром в виде словоизменительной парадигмы.

Особый интерес представляют случаи, когда грамматические категории одной части речи находят свое отражение в другой части речи, причем они связаны между собой деривационными отношениями. Большой гибкостью и «живучестью» характеризуются грамматические категории глагола, которые в акте словопроизводства не исчезают без последствий для соответствующих производных существительных и прилагательных. Совокупность грамматических и лексических значений производящей основы выступает в качестве одного из важнейших конструктивных факторов, определяющих смысловую структуру производной единицы. Рассмотрим грамматические категории глагола, которые с разной степенью компрессированности представлены в словопроизводстве существительных, а именно, категории времени, залога и вида.

Категории времени, вида и залога, в особенности пассива, выступающие в словообразовании, как и в морфологии, в тесной взаимосвязи и сложном переплетении, находят разные отражения в различных видах словообразования: транспозиции, мутации и модификации. С этой точки зрения заслуживают внимания *nomina agentis* и *nomina actionis*, а также производные от последних *nomina acti* и *nomina resultatis*.

В большинстве случаев существительные с агентивным значением эксплицируются в перефразис глагольной формой настоящего времени. Перефразы агентивных существительных содержат презенс с атемпоральным значением, названный некоторыми лингвистами «общим временем» (*das generale Tempus*), «вневременной формой» или качественным презенсом.

Благодаря своей атемпоральности агентивные имена противопоставляются субстантивированным причастиям I с агентивным значением по признакам «атемпоральности: актуальность действия», ср.: *Die Welt ist voll von Lauschern und Konkurrenz* [22, с. 267]; *Wächter lehnt sich aus der vorgereckten Haltung des Lauschenden zurück und wirft sich gegen die Stuhllehne...* [23, с. 257].

Перфективное значение анализируемых производных приобретает еще большую очевидность в тексте благодаря рядоположному употреблению перфектной формы глагола. Производное может занимать по отношению к грамматической форме antecedentное положение или, наоборот, оно предваряется грамматической формой, т. е. перфектом, ср.: *«Ich sage dir nur soviel», antwortete ihm Pötsch, «die Jarowisierung haben sowjetische Agrarwissenschaftler entdeckt»*; *«Wie heißt der Entdecker? fragte Propagandasekretär Wummer und hielt seinen Block schreibbereit* [24, с. 45]; *Da schrie die Frau über denselben Knecht: «Du Mörder, du hast meinen Mann totgeschlagen* [25].

Перфективное значение характерно не только для агентивных производных. Оно встречается, правда, в осложненном аспектуальном и залоговым значениями виде, также в других деривационно-семантических категориях: *Doch eines Tages entdeckte ein Philologe, das Herr B... die Größe des deutschen Kaisers gefeiert und kriegerische Verse verfaßt hatte. Er war damals 16 Jahre alt. Als man Herrn B. die Entdeckung des Philologen vorhielt, meinte er: «Auch ich habe meine Achillesverse»* [16, с. 492—493].

Категория залога. Подобно тому как актив и пассив образуют неравнообъемную оппозицию в смысле охвата лексики, данная оппозиция асимметрична также в словообразовании. Активный член оппозиции, т. е.

агенса, располагает богатым набором словообразовательных средств [26], в то время как пациенс представлен в словообразовательной системе значительно слабее, чем агент, так как непереходные глаголы, равно как и в морфологии, не способны создавать оппозицию «агент—пациент». Можно указать на следующие виды проявления субъектно-объектных отношений в словообразовательной системе.

1. Максимальную продуктивность обнаруживает оппозиция «агент (лицо) — пациент (продукт деятельности, результат действий лица)»: *Binder — Gebinde, Fälscher — Fälschung, Finder — Fund, Flechter — Geflecht* и т. д.

2. Наиболее четко проявляются субъектно-объектные отношения в суффиксальной системе обозначений лица: *Adressant — Adressat, Appellant — Appellat, Finder — Findlung, Gönner — Günstling, Pfleger — Pflegling, Schützer — Schützling* и т. д. При отсутствии пассивного коррелята в суффиксальной системе в качестве пассивного члена оппозиции выступает субстантивированное причастие II. Создается своего рода смешанная оппозиция: суффиксальное существительное — субстантивация грамматической формы: *Ausbeuter — Ausgebeutete* (r), *Beleidiger — Beleidigte* (r), *Lügner — Belogene* (r), *Mörder — Ermordete* (r), *Sieger — Besiegte* (r).

3. В качестве агента могут выступать названия инструментов, технических приспособлений, приборов: *Filter* (непроизводный агент) — *Filtrat, Ausfeger* «щетка для подметания» — *Ausfegsel* «мусор, сор».

4. Если в рамках грамматической категории залога, как отмечает А. В. Бондарко, существует «множество активных образований, которым не соответствуют пассивные, но нет пассивных образований, которым не соответствовали бы активные» [27], то в суффиксальной системе возможно раздельное существование как агента, так и пациента. Правда, последний встречается относительно редко, например: *Favorit, Firmling, Impling, Konfirmand, Korrigend* и т. п. Названия математических единиц, участвующих в арифметических действиях или используемых в математических операциях, в основном образуют пассивную форму и редко — оппозицию «агент—пациент», ср.: *Addend, Integrand, Logarithmand, Minuend, Radikand, Subtrahend, Summand, Divisor — Divident, Multiplikator — Multiplikand*.

Категория статива обладает в словообразовательной системе сложной конфигурацией, обусловленной переплетением в производных существительных лексического и грамматического статива. В морфологии возможно разграничение статива и результата, а в рамках последнего субъектного и объектного результатов. В отличие от лексического статива, который «сообщает только о состоянии предмета, результатив же — одновременно о состоянии и о предшествующем ему действии, результатом которого явилось это состояние» [28]. Однако в словообразовании имеет место их сложное переплетение. Статив является одним из регулярных значений модели с суф. *-ung*, например: *Überalterung* «das Überaltertsein». Статальное значение в семантической структуре производных часто коррелируется со значением опредмеченного действия [29]: *Bedrückung* «1) das Bedrücken, die Unterdrückung, 2) Niedergeschlagenheit», *Erregung* «1) das Erregen, 2) das Erregtsein, der Zustand des erregten Gemütes» [15].

Категория вида. Несмотря на отсутствие оснований для признания вида грамматической категорией, многие германисты включают видовую характеристику глагола в описание его грамматических свойств, в особенности грамматической категории времени [30].

Категория вида в немецком языке ни в глагольной системе, ни в системе номинализаций не может быть признана категорией морфологической прежде всего потому, что она представляет собой не морфологическое свойство слова, а семантический признак пропозиции. Одновременно необходимо отметить, что в системе номинализаций аспектуальная дихотомия по признаку «перфективность/имперфективность» выражена более последовательно [31—34], чем в морфологии глагола по части речи, для которой аспектуальность в славянских языках является *catégorie domaine*.

IV. Словообразование и синтаксис. Поводом для признания определенной эквивалентности семантико-синтаксических отношений в предложении и производном слове послужила возможность интерпретации производных через синтаксические структуры. Повышенный интерес к синтаксическому аспекту словообразования обусловлен развитием трансформационной и генеративной грамматик. Синтаксическое развертывание, в котором самостоятельное языковое выражение находит не только НС производного, но и тип семантических связей между ними, представляет собой тот самый семантический эквивалент, который создает равновесие между двумя планами производного знака.

Как известно, в зависимости от характера привносимого в семантику производного значения аффикса и меж- и внутрочастеречных изменений в рамках аффиксального словообразования выделяются транспозиция, мутация, модификация. Тип выявляемых в них предикативных отношений не одинаков. С синтаксической точки зрения интерес представляют первые два типа, в особенности явление, названное синтаксической деривацией.

Между агентивными существительными и именами действия существуют противоположные синтаксические потенции. Имена деятеля обладают легко выявляемым внутренним синтаксисом. Они могут быть интерпретированы в виде синтаксических структур, в которых производящая основа эквивалентна предикату, а суффикс — одному из членов предложения — субъекту, объекту или обстоятельству уточнителю: *Beobachter* «jmd., der (etw., jmdn) beobachtet», *Prüfer* «jmd., der prüft», *Prüfling* «jmd., der geprüft wird» [15].

В зависимости от характера производящих основ в производных обнаруживаются явные или скрытые предикативные связи. Е. С. Кубрякова отмечает, что «сама предикативная связь выступает здесь в преобразованном виде — она латентна, и чаще всего только подразумевается, додумывается, домысливается...» [2, с. 143], например, *Eisenbahner* «jmd., der bei der Eisenbahn arbeitet». При именах действия суффикс не имеет соответствия в глубинной структуре. Имя действия лишено внутреннего синтаксиса. Говоря словами Д. Кастовского, суффикс в них возникает *ex nihilo* [35].

Совершенно противоположная тенденция наблюдается во внешнем синтаксисе имен деятеля и имен действия. Номинализация стремится сохранить все аргументы номинализируемого глагола, т. е. она характеризуется внешней синтаксической экспансией. Агентивные же имена и номинализации, усложненные постсемантическими процессами (например, конкретно-предметными значениями), стремятся свести аргументы базового глагола к минимуму вплоть до полного «освобождения» от них, так как субъектно-предикатные отношения представлены в структуре самого производного. Субъект синтаксической структуры, лежащий в основе имени деятеля, поглощается, впитывается производным. Однако существительные, обозначающие не постоянного, привычного, а эпизодического

исполнителя действия, образованные от переходных глаголов, сопровождаются соответствующими унаследованными от глагола аргументами, ср.: *Er war mager und sehnig wie ein Erkletterer hoher Berge, ein Erstürmer des Himmels* [22, с. 550]; *Die Welt hat es heute mit einem ganz anderen Deutschland zu tun, einem fanatischen Verächter und Vernichter alles Rechtes* [36, с. 78].

Имена действия, образованные от переходных глаголов, как правило, сопровождаются *genetivus obiectivus* или предложным объектом. При необходимости уточнения субъекта номинализованного действия появляется *genetivus subiectivus* или предложный субъект, как это имеет место в трехчленном пассиве: *Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft* (Fr. Engels); *Er verurteilte die militärische Unterstützung der Rassisten durch einige Mitgliedsländer NATO* .. (ND. 1985. Nr. 174).

Как известно, в отличие от глаголов, семантическая определенность которых достигается благодаря установлению их связей с аргументами, субстантивные лексемы самодостаточны. Однако, как явствует из приведенных выше примеров, самодостаточность существительных свойственна не всем субкатегориям данной части речи в равной степени. Синтаксические дериваты относятся к наименее самодостаточным существительным. Поскольку номинализацию можно рассматривать как «высоковероятный эквивалент придаточного предложения», выражающего «отношение процесса к другому процессу» [37], ее грамматические характеристики зависимы от таковых предикатов матричного предложения. Рассмотрим некоторые из них.

В отличие от агентивных существительных, которым значения атемпорального презенса и перфекта присущи как словарным единицам, т. е. входят в их семантическую структуру, в отглагольных номинализациях категория времени носит относительный характер в том смысле, что временная соотносительность номинализаций зависит от их таксиса³, т. е. от отношения ко времени предиката матричного предложения. Номинализации сами по себе атемпоральны. Их таксисное, т. е. относительное значение уточняется союзами, предлогами и другими лексическими индикаторами с темпоральным значением. Кроме временного союза *während*, наиболее продуктивным способом выражения одновременности действий в предложении является употребление номинализаций в сочетании с предлогами дательного падежа, ср.: *Robert traf ihn in der Friedrichstraße, und der erste Schreck fuhr ihm in die Glieder, als Trimborn bei der Begrüßung den Hut abnahm und ihn dann während des Gesprächs in der Hand hielt* [39, с. 271]. *Er ist Amerikaner! dachte ich im Laufen* [40, с. 170].

Отношение предшествования выражается как с помощью союзов и предлогов, так и причинно-следственными связями, существующими между разными действиями, причем одна и та же номинализация может выражать предшествование как в прошлом, так и в настоящем и будущем, что определяется временем предиката матричного предложения: *Von «unserem deutschen Volk» hatte Wilhelm Pieck schon nach der Befreiung Berlins gesprochen* (NBI, 1985. Nr. 23); *Der Junge geht ran, und ich soll ihm den Kopf waschen, Beschluß der Leitung* [39, с. 18].

³ Таксис определяется Ю. С. Масловым как «категория, характеризующая „действие“, обозначенное предикатом, с точки зрения его соотношения с другим упоминаемым в данном высказывании или подразумеваемым „действием“, причем имеется в виду хронологическое соотношение (одновременность — предшествование — следование), но также и противопоставление второстепенного „действия“ главному (ср. в русском языке: деепричастия в их отношении к личной форме глагола)» [38].

Значение следования или относительного будущего номинализации, как правило, предопределено лексическим значением предиката матричного предложения, указывающим на перспективу второстепенного действия. Таксис следования имеет место при глаголах с модально-интенциональным и футурально ориентированным значением: *Als ich seine Frau vom Flugplatz im Auto abholen wollte, konnte er nicht mitfahren, da er noch auf die Landung eines Flugzeugs warten mußte* [40, с. 138].

Тенденция к предетерминации отнесенности выраженного номинализацией действия характерна не только для таксиса следования, хотя она здесь проявляется наиболее последовательно, но и для таксиса одновременности и предшествования. Например, при глаголах чувственного восприятия, сопровождаемых нередко в латинском языке конструкцией *accusativus cum infinitivo*, номинализации выражают одновременные с действием предложения действия: *Es war totenstill sonst, man hörte nur das Schluchzen der beiden Frauen* [40, с. 59].

V. Словообразование и текст. Текст как наивысшая единица в восходящем ряду системных единиц «морфема → слово → словосочетание → предложение» и как интегрированная структура представляет собой сложное коммуникативное целое, конструируемое средствами разных уровней языка. Удельный вес языковых средств в конструировании когерентности текста не одинаков. Среди различных способов передачи смысловых отношений между частями текста словообразование вносит свой вклад в языковое оформление его архитектоники. Виды связи словообразования с текстом различны. С одной стороны, текст служит источником возникновения нового слова или реактуализации, «оживления» внутрисинтагматических отношений между НС существующего в языке слова, а также новой семантической интерпретации готового производного слова. Текст и есть то языковое целое, та языковая реальность, в которой словообразовательная модель получает стимул для раскрытия своих деривационных потенций, и в тексте можно наблюдать за актом синхронной реконструкции словообразовательного акта [41]. Текст содержит мотивирующую часть в виде конкретной лексемы, суждения или цепи суждений производного, которая может предшествовать производному или следовать за ним, т. е. производящая и производная основы в тексте по отношению друг к другу могут быть как antecedentом, так и consequentом: *Die Presse soll unserer Meinung nach helfende Kritik üben, aber nicht überspitzen.... Haben wir überspitzt?... Das waren dir vielleicht Überspitzerinnen?* [17, с. 422].

С другой стороны, одним из эффективных приемов обеспечения структурной спаянности текста является развертывание словообразовательного гнезда внутри текста. Слова с одной и той же корневой морфемой, функционирующие в различных лексико-грамматических разрядах и «разбросанные» в разных частях текста, служат средством обеспечения рекуррентности лексических единиц. В этом заключается текстообразующее назначение словообразовательного гнезда. Члены словообразовательного гнезда выполняют функцию обеспечения структурных и смысловых связей не только между текстами в рамках СФЕ как основной единицы грамматики текста, но и между разными СФЕ: *Stanislaus' Wundertätigkeit war für die Mitter ein Zeichen... Ohne Stuhl keine richtige Wundertäterei... Büdnerns Stube verwandelte sich in eine Wundertäterei; Du wirst es schon noch lernen, wie man wundertätig ist... Du sollst nur Wunder tun...; Es muß sich so anhörn, als ob sie dich zwingen und auf die Wundertaten hinstoßen* [24, с. 85—87].

Ни один из способов словообразования не связан с текстом и его частями так, как окказиональная субстантивация глаголов, прилагательных, словосочетаний и предложений. Окказиональная субстантивация не знает каких-либо ограничений. Ограничения существуют только для отдельных подтипов субстантивированных слов. Так, субстантивированные прилагательные и причастия мужского и женского родов относятся к разряду одушевленных имен, компрессирующих словосочетания, например, *Er ist angekommen* → *der Angekommene, ein untergesetzter Mann* → *der Untersetzte*.

Субстантивации среднего рода функционируют в основном в поле абстрактности и характеризуются обобщенным значением, близким значению действительных слов.

Обусловленная словообразовательной спецификой немецкого языка большая продуктивность словосложения и субстантивации позволяет представить словосочетания и предложения в виде субстантивированного сложного слова, например: *Das Phänomen, dessen Zeuge wir sind...*, *ist der Verfall, das hoffnungslose Auf-den-Hund-gekommen-Sein des Erobererertums* [36, с. 85]; *Dieses Was-wäre-geworden-Wenn* [17, с. 426]; *Ein Wolltemalundkonntenicht* [17, с. 361].

Наиболее существенным словообразовательным фактором с точки зрения организации текста является номинализация, благодаря которой становится возможным свертывание субъектно-предикатных структур и включение их в другую субъектно-предикатную структуру в целях обеспечения тематической прогрессии текста.

Изучение словообразования в связи с теорией текста в настоящее время еще только набирает силу, и положение В. Флейшера о том, что «тексто-лингвистические потенции словообразовательных конструкций нуждаются в детальной разработке» [42], сохраняет свою актуальность.

Итак, связи словообразования с грамматикой носят многоплановый характер. Поскольку деривационные формативы являются строевыми элементами слова, структурными оформителями его основы, предшествуя в линейном плане словоизменительным маркерам, они предeterminируют, т. е. структурно обуславливают последние. Благодаря структурной, морфемной маркированности лексика языка предстает как достаточно упорядоченное, формально структурированное целое.

Многообразнее связи словообразования с грамматикой в функциональном плане. Словообразовательные модели обладают способностью дублировать категориальные значения, выражаемые в языковой системе парадигматическими средствами. Особого внимания заслуживает внутренний и внешний синтаксис производных слов. Производное слово представляет собой вторичную модель как по отношению к первичной номинации, так и по отношению к эксплицитным синтаксическим конструкциям, в качестве структурного минимума которых оно выступает. Наименее изучена роль словообразования в структурной организации текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Вопросы теории и истории языка. М., 1952.
2. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.
3. Brekle H. E., Kastovsky D. Wortbildungsforschung: Entwicklung und Positionen // Perspektiven der Wortbildungsforschung: Beiträge zum Wuppertaler Wortbildungskolloquium vom 9.—10. Juli 1976 / Hrsg. von Brekle H. E. und Kastovsky D. Bd. 1. Bonn, 1977.

4. Степанова М. Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. М., 1984.
5. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
6. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969.
7. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. С. 21.
8. Coseriu E. Inhaltliche Wortbildungslehre // Perspektiven der Wortbildungsforschung. Bonn, 1977. S. 54.
9. Chomsky N. Aspects of the theory of syntax. Cambridge (Mass.), 1966. P. 142.
10. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.
11. Kastovsky D. Wortbildung und Semantik. Düsseldorf, 1982. S. 220.
12. Reichl K. Categorical grammar and word-formation: The deadjectival abstract noun in English. Tübingen, 1982. P. 174.
13. Чейф У. Значение и структура языка. М., 1975.
14. Домашнев А. И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. Л., 1983.
15. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache / Hrsg. von Klappenbach R. und Steinitz W. 1—6. Berlin, 1970—1978.
16. Brecht B. Vorwärts und nicht vergessen // Brecht B. Ausgewählte Werke. Moskau, 1976.
17. Kant H. Das Impressum. Berlin, 1972.
18. Мурашов Р. З. О парадigmatике в словообразовании // Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. Вып. 164. М., 1980.
19. Слюсарева Н. А. О проблемах функциональной морфологии (на материале языка аналитического типа — английского) // ИАН СЛЯ. 1983. № 1. С. 33.
20. Кубрякова Е. С. Части речи в ономасиологическом освещении. М., 1978. С. 65.
21. Русская грамматика. Ч. I. М., 1980.
22. Strittmatter E. Der Wundertäter. 1. Band. Moskau, 1962.
23. Bruns M. Zeichen ohne Wunder. Halle (Saale), 1977.
24. Strittmatter E. Der Wundertäter. 3. Band. Berlin — Weimar, 1980.
25. Zeitverkürzer. Deutsche Anekdoten aus fünf Jahrhunderten. Leipzig, 1977. S. 16.
26. Мурашов Р. З. Словопроизводство и грамматические категории // ВЯ. 1979. № 3. С. 63—65.
27. Бондарко А. В. Классификация морфологических категорий // Типология грамматических категорий. М., 1975. С. 61.
28. Недялков В. П. Результатив, пассив и перфект в немецком языке // Типология результативных конструкций. Л., 1983.
29. Мурашов Р. З. О словообразовательном значении и семантическом моделировании частей речи // ВЯ. 1976. № 5.
30. Павлов В. М. Темпоральные и аспектуальные признаки в семантике «временных форм» немецкого глагола и некоторые вопросы теории грамматического значения // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984.
31. Ullmer-Ehrich V. Zur Syntax und Semantik von Substantivierungen im Deutschen. Kronberg / Ts., 1977.
32. Schaublin P. Probleme des adnominalen Attributs in der deutschen Sprache der Gegenwart. Morphosyntaktische und semantische Untersuchungen. New York — Berlin, 1972. S. 21.
33. Esau H. Nominalization and complementation in modern German. Amsterdam, 1973. P. 105—106.
34. Cate A. P. ten. Aspektualität und Nominalisierung. Frankfurt-am-Main — Bern — New York, 1985.
35. Kastovsky D. Zur Analyse von nomina actionis // Wortbildung — Darmstadt, 1981. S. 379.
36. Mann Th. Deutsche Hörer! Leipzig, 1977.
37. Салькова Д. А. Синтаксические поля и семантическое моделирование. Л., 1983. С. 7, 12.
38. Маслов Ю. С. Результатив, перфект и глагольный вид // Типология результативных конструкций. Л., 1983. С. 42.
39. Kant H. Die Aula. Lening, 1965.
40. Weisenborn G. Memorial. Berlin — Weimar, 1974.
41. Кубрякова Е. С. О связях между лингвистикой текста и словообразованием // Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. Вып. 217. Лингвистические проблемы текста. М., 1983. С. 50.
42. Fleischer W. Regeln der Wortbildung und der Wortverwendung // Deutsch als Fremdsprache. 1978. № 2. S. 82.